Варвара Жданова

Мозаика космоса

О некоторых загадках «московских глав» романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита».

Никанор Иванович Босой.

«Но странное дело, все эти распоряжения, заботы и планы, бывшие вовсе не хуже других, издаваемых в подобных же случаях, не затрагивали сущности дела, а как стрелки циферблата в часах, отделенного от механизма, вертелись произвольно и бесцельно, не захватывая колес…

В отношении юридическом, после казни мнимых поджигателей сгорела вторая половина Москвы».

Л.Н. Толстой «Война и мир»

В Москве 1912 года, занятой французами, господствует дух зла и разрушения. Новые власти не могут ему противостоять.

В «Мастере и Маргарите» власти не могут изловить «поджигателей» - шайку Воланда, потому что духом распада и тления проникнута вся жизнь душного города с его локальным благополучием и весельем. Нужно заглянуть в себя и различить собственные пороки (главный из которых – трусость).

«И тут же неизвестно что померещилось Пелагее Антоновне, но только она, всплеснув руками, вскричала:

- Покайся, Иваныч! Тебе скидка выйдет».

Именно с образом самодовольного обывателя-домоуправа Никанора Ивановича Босого связана в «Мастере и Маргарите» тема покаяния.

Коровьев (позже Никанор Иванович проницательно замечает: «Коровьев, он – черт!») подсунул домоуправу взятку. В свертке оказалась вместо рублей валюта, за хранение которой можно лишиться свободы. И Никанора Ивановича «взяли и повели» прямо из-за стола в собственной квартире (он со вкусом

обедал, приступая к борщу). Никанор Иванович доведен «нечистой силой» до клиники Стравинского.

«Попал он, однако, к профессору Стравинскому не сразу, а предварительно побывав в другом месте…

- Откуда валюту взял? – задушевно спросили у Никанора Ивановича.
- Бог истинный, Бог всемогущий, - заговорил Никанор Иванович, - все видит, а мне туда и дорога. В руках никогда не держал и не подозревал, какая такая валюта! Господь меня наказует за скверну мою, - с чувством продолжал Никанор Иванович, то застегивая рубашку, то расстегивая, то крестясь…»

В палате клиники Стравинского Никанора Ивановича посетило сновидение. Ему снится тюрьма-театр. Зрителей-заключенных, арестованных за хранение валюты, знакомят с произведениями Пушкина («Скупым рыцарем», а в женском отделении – оперой «Пиковая дама»). Идея нестяжательства, очевидно проступающая в пушкинских книгах (она перекликается с проповедью Иешуа), заставляет кое-кого расстаться с деньгами и ценностями.

Никанор Иванович сидит рядом с каким-то «здоровяком-бородачом». Сосед заговаривает с Босым:

« - … У меня, милый человек, бойцовые гуси в Лианозове. Подохнут они, боюсь, без меня. Птица боевая, нежная, она требует ухода… Эх, кабы не гуси! Пушкиным-то меня не удивишь, - и он опять завздыхал».

Наглые повара разносят похлебку-баланду. Никанор Иванович просыпается.

Жизнь Никанора Ивановича после неожиданного нравственного потрясения постепенно входит в колею. Только иногда что-то смутно тревожит его, поэтому он терпеть не может театр и «поэта Пушкина».

В эпилоге «Войны и мира» Толстой сравнивает супружество с обедом. Человеку нужен один супруг, как необходим один обед.

Никанор Иванович с чувством радости и удовлетворения обедает в своей столовой. Его супруга счастлива угодить ему.

«Наташе нужен был муж. Муж был дан ей. И муж дал ей семью. И в другом, лучшем муже она не только не видела надобности, но… все силы душевные ее были устремлены на то, чтобы служить этому мужу…»

«…Пьер имел полное право у себя в доме располагать не только самим собою, как он хотел, но и всею семьею».

Пьер самовластно управляет своим домом. В кривом зеркале Булгакова отражается домоуправ Никанор Иванович. Довольство и самодовольство – черты сближающие характеры Никанора Ивановича и «эволюционизировавшего» в счастливом супружестве Пьера:

«После семи лет супружества Пьер чувствовал радостное, твердое сознание того, что он не дурной человек…»

Никанор Иванович также – «заведующий диетической столовкой». Не исключено, что и это – ироническая отсылка к Толстому.

В «Двенадцати стульях» Ильфа и Петрова читаем о «счастливой и бедной» жизни молодых супругов:

« - …Мы ходим обедать в вегетарианскую столовую, хотя я и против вегетарианской столовой. Но когда мы с Колей поженились, он мечтал о том, как мы вместе будем ходить в вегетарианку. Ну вот мы и ходим».

И далее:

«Лиза всплакнула.

- Лев Толстой, - сказал Коля дрожащим голосом, - тоже не ел мяса…
- А когда он писал «Войну и мир», он ел мясо! Ел, ел, ел! И когда «Анну Каренину» писал – лопал, лопал, лопал!
- Да замолчи!
- Лопал! Лопал! Лопал!
- А когда «Крейцерову сонату» писал, тогда тоже лопал? – ядовито спросил Коля.
- «Крейцерова соната» маленькая. Попробовал бы он написать «Войну и мир», сидя на вегетарианских сосисках».

В булгаковских «Записках на манжетах» (1922) изголодавшийся герой видит сон:

«Видел во сне, как будто я Лев Толстой в Ясной Поляне. И женат на Софье Андреевне. Я сижу наверху в кабинете. Нужно писать. А что писать, я не знаю. И все время приходят люди и говорят:

- Пожалуйте обедать.

А я боюсь сойти. И так дурацки: чувствую, что тут крупное недоразумение. Ведь не я писал «Войну и мир». А между тем здесь сижу. И сама Софья Андреевна идет вверх по деревянной лестнице и говорит:

- Иди. Вегетарианский обед.

И вдруг я рассердился.

- Что? Вегетарианство? Послать за мясом! Битки сделать. Рюмку водки».

«Ноги его были босые…

И всякий раз, когда он смотрел на свои босые ноги, на лице его пробегала улыбка оживления и самодовольства. Вид этих босых ног напоминал ему все то, что он пережил и понял за это время, и воспоминание это было ему приятно».

Так Толстой описывает Пьера Безухова в то горькое время, когда он был в плену у французов.

Фамилия «Босой», придуманная Булгаковым, напоминает о Пьере. Но, может быть, еще больше заставляет вспомнить те портреты самого «опростившегося» графа Толстого, где он похож на старого бедного крестьянина.

Никанор Иванович обретает проницательность юродивого и его имя – Никанор Босой – похоже на прозвище юродивого.

Сосед Никанора Ивановича, тоскующий о покинутом хозяйстве – аналог Платона Каратаева, незабвенного «учителя» Пьера в деле душевного строительства. Обращение соседа к Никанору Ивановичу - «милый человек», его равнодушие к Пушкину (Каратаев – первозданен, ему не нужно дворянское искусство), «обстоятельность» соседа Босого – все это напоминает о Каратаеве.

Но булгаковский «здоровяк-бородач» (видимо, иронический намек на духовное здоровье «маленького», «круглого» Каратаева) гораздо более философствующий кулак, чем толстовский «мужичок-богоносец».

Пьер в плену видит сон, а его пробуждение, переход из сна, где что-то кричат, в реальность (его разбудили крики), напоминает пробуждение Никанора Ивановича в «Мастере и Маргарите».

Пьер видит во сне глобус, состоящий из маленьких, сливающихся и делящихся капель – это символы человеческих жизней. Волшебный глобус показывает Воланд Маргарите в сцене бала сатаны.

Каратаев, сам того не зная, помогает Пьеру восстанавливать лежащий в руинах душевный мир. Пьер находится в состоянии нравственного забытья, прострации.

Духовное состояние Пьера – отражение внешней картины – разоряемая, изнуренная пожарами, на глазах обращающаяся в руины – Москва.

Отзвук пушкинского «Пира во время чумы» слышится в эпизодах «Войны и мира», где повествуется об истории пленения Пьера.

Через Толстого - пушкинский мотив воспринимает Булгаков в эпизоде сна Никанора Ивановича:

« - Обедайте, ребята, - кричали повара, - и сдавайте валюту! Чего вам здесь сидеть? Охота была эту баланду хлебать. Поехал домой, закусил, выпил как следует, закусил, хорошо!»

Эти веселые повара – антитеза пушкинскому священнику, увещевавшему пирующих незабываемыми словами:

Я заклинаю вас святою кровью
Спасителя, распятого за нас:
Прервите пир чудовищный, когда
Желаете вы встретить в небесах
Утраченных возлюбленные души –
Ступайте по своим домам.

Пушкин подчеркивает вынужденный характер веселья пирующих:

…Я здесь удержан
Отчаяньем, воспоминаньем страшным,
Сознаньем беззаконья моего,
И ужасом той мертвой пустоты,
Которую в моем дому встречаю…

Пирующие в плену фикции: псевдо-любовь, псевдо-дружба… Плен фикции превращается у Толстого, и затем – Булгакова – в реальный плен и заключение.

Французы победоносно вступили в опустевшую Москву. В доме своего умершего наставника-масона Иосифа Алексеевича - Пьер пирует с капитаном Рамбалем.

«Под влиянием выпитого вина и после дней, проведенных в уединении со своими мрачными мыслями, Пьер испытывал невольное удовольствие в разговоре с этим веселым и добродушным человеком»

Подчеркивается «невольный» характер веселья. Рамбаль рассказывает Пьеру свои любовные приключения: «Капитан был счастлив, обворожительная полька хотела бежать с ним…»

Уже в плену спасительное забытье вновь овладевает Пьером, и чтобы не думать о смерти Платона Каратаева, он сам вспоминает о вечере, проведенном с красавицей-полькой в его киевском доме.

Проза Толстого многомерна. Одно критическое суждение не исчерпывает ее глубины. Так, капитан Рамбаль, с одной стороны - бездуховный захватчик-французишка, а с другой – благородный выходец со страниц «Трех мушкетеров» Дюма. И в Пьере он видит кого-то вроде Портоса.

В романе «Бесы» Достоевского губернатор фон Лембке, доведенный до отчаяния, восклицает: «Пожар в умах, а не на крышах домов».

Профессор Преображенский в булгаковском «Собачьем сердце», как известно, говорил: «Разруха не в клозетах, а в головах».

После виденной казни Пьер испытал небывалое духовное крушение:

«…В душе его как будто вдруг выдернута была та пружина, на которой все держалось и представлялось живым, и все завалилось в кучу

бессмысленного сора. В нем, хотя он и не отдавал себе отчета, уничтожилась вера и в благоустройство мира, и в человеческую, и в свою душу и в Бога».

Толстой предлагает, может быть, объективно единственно верный путь индивидуального духовного возрождения и строительства, восстановления разрушенного мира, прежде всего, в границах собственной души.

«Пьер взглянул в небо, в глубь уходящих, играющих звезд. «И все это мое, и все это во мне, и все это я! – думал Пьер. – И все это они поймали и посадили в балаган, загороженный досками!»

«Никанор Иванович до своего сна совершенно не знал произведений поэта Пушкина, но самого его знал прекрасно и ежедневно по нескольку раз произносил фразы вроде: «А за квартиру Пушкин платить будет?» или «Лампочку на лестнице, стало быть, Пушкин вывинтил?», «Нефть, стало быть, Пушкин покупать будет?»

Книги Пушкина будят то, что называется совестью, или Бога в душе. И Бог тогда проявляется в самом человеке, в каждом его деянии. Служба Богу через повседневные дела – любимая мысль Л.Н. Толстого.

На все это Булгаков, как будто, смотрит насмешливо, еще и «передразнивая» манеру нравоучительства Толстого.

Так, сознательно пародируется и смешивается с фельетоном толстовский стиль в «Двенадцати стульях»:

«Подобно распеленутому малютке, который, не останавливаясь ни на секунду, разжимает и сжимает восковые кулачки, двигает ножонками, вертит головой, величиной в крупное антоновское яблоко, одетое в чепчик, и выдувает изо рта пузыри, Авессалом Изнуренков находился в состоянии вечного беспокойства».

Образ автора-рассказчика в «Мастере и Маргарите» строится Булгаковым по пушкинским канонам (рассказчик в «Евгении Онегине»). Этому рассказчику нравится игра точками зрения, частая смена масок. Булгаковский рассказчик притворяется «развитым и культурным» человеком, не верящим в чудеса. И вот

он надевает маску советского сатирика, такого, как Ильф и Петров. Теперь он с насмешливой почтительностью взирает на «идолов» старой культуры.

Но истинное лицо писателя Булгакова – другое.

В том, что Никанор Иванович Босой намекает на Пьера Безухова или – на самого босого графа Толстого, в том, что Платон Каратаев – философствующий кулак – в этом – двойная ирония. Высмеивание толстовских нравоучений переходит в иронию над этой насмешкой. «Русскому читателю было явление Льва Толстого», - как-то сказал Булгаков.

Буфетчик Андрей Фокич Соков на свою голову нанес визит в «нехорошую квартиру». Артист Воланд, поддерживаемый Коровьевым, ведет с ним странный разговор.

« - …Вы когда умрете?

Тут уж буфетчик возмутился.

- Это никому не известно и никого не касается, - ответил он.
- Ну да, неизвестно, - послышался все тот же дрянной голос из кабинета, - подумаешь, бином Ньютона! Умрет он через девять месяцев, в феврале будущего года, от рака печени в клинике Первого МГУ, в четвертой палате».

И далее:

« - Да я и не советовал бы вам ложиться в клинику, - продолжал артист, - какой смысл умирать в палате под стоны и хрип безнадежных больных. Не лучше ли устроить пир на эти двадцать семь тысяч и, приняв яд, переселиться в другой мир под звуки струн, окруженным хмельными красавицами и лихими друзьями?»

Предложение дьявола, как и следовало ожидать, противоположно совету священника в пушкинском «Пире во время чумы».

Думается, «Смерть Ивана Ильича» - было одно из любимых Булгаковым произведений Л.Н. Толстого.

В эпизодах «Белой гвардии», когда раненый Алексей Турбин умирает и выздоравливает, явственно влияние «Смерти Ивана Ильича».

«Смерть Ивана Ильича» - произведение о духовном потрясении и нравственном выздоровлении. Именно так, наверно, воспринимал толстовскую повесть Булгаков. Алексей Турбин выздоравливает, его душа обновляется в новом мире, возникшем после катастрофы.

В рассматриваемом нами эпизоде «Мастера и Маргариты» Булгаков сам намекает на внутреннюю связь с толстовской повестью. Никанора Ивановича, оказавшегося в клинике Стравинского, будит фельдшерица Прасковья Федоровна. Так у Толстого звали жену Ивана Ильича. И если бы она была столь добра и внимательна к больному, как булгаковская фельдшерица!

Когда (детство, юность, зрелость) произошел этот поворот к духовной смерти? Вот и душа Никанора Ивановича становится непроницаемой.

Никанор Иванович собирается обедать. Звонок в дверь.

« - А чтоб вам провалиться! Поесть не дадут. Не пускай никого, меня нету, нету. Насчет квартиры скажи, чтобы перестали трепаться. Через неделю будет заседание».

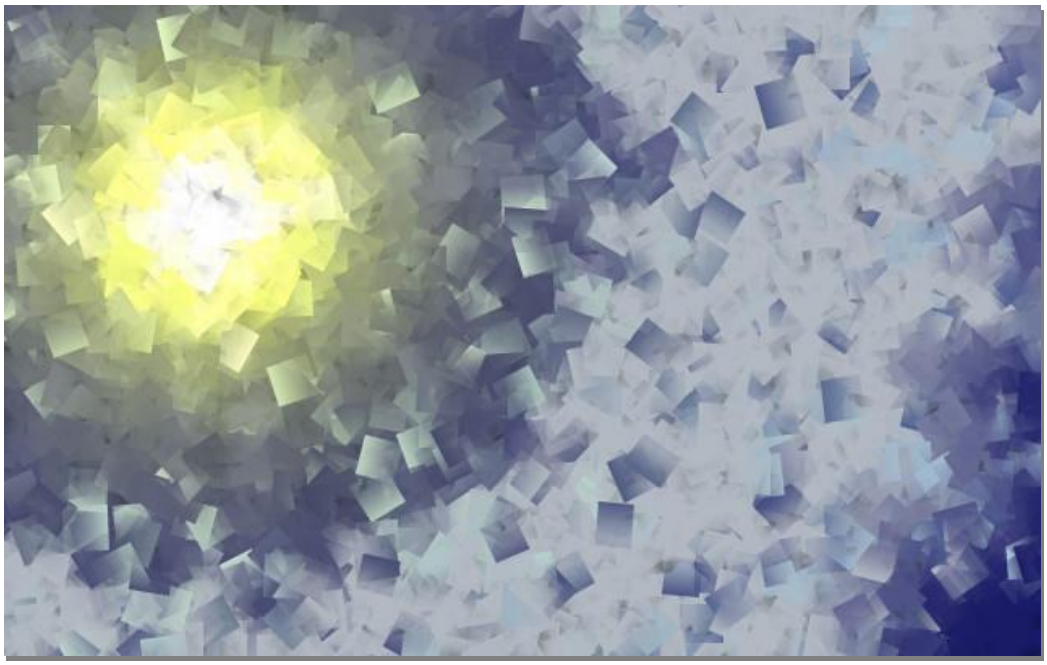
«Смерть Ивана Ильича» начинается с заседания, на котором выясняется, что Ивана Ильича, только что переселившегося на новую квартиру, уже нету на свете. Товарищи едут с визитом соболезнования к вдове. Звонок в дверь…

Тема дома истинного и дома ложного, затронутая в толстовской повести, наверно, оказалась близка Булгакову.

Иван Ильич выбирает и обставляет новую квартиру, а в это время смерть выбирает и «обставляет» его.

«Душевная разруха» и хорошо обставленная квартира, оказывается, несовместимы. Истинный дом (как у Пьера и Наташи) возникает одновременно с духовным строительством.

«Ступайте по своим домам», - советует пушкинский священник. Дом – ключевое понятие в булгаковском мире. Дом – сердцевина мира. Нет покоя вне дома. «Вечный дом» дарован в награду мастеру.

О доме истинном в финале «Мастера и Маргариты»:

«…Неужто вы не хотите днем гулять со своей подругой под вишнями, которые начинают зацветать, а вечером слушать музыку Шуберта?.. …Свечи уже горят, а скоро они потухнут, потому что вы немедленно встретите рассвет».